

© 2017 г.

В.О. ПЕЧАТНОВ¹

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ А. КЛАРК-КЕРРА В МОСКВЕ (1942–1946 годы)

МЕЖДУ ЧЕРЧИЛЛЕМ И СТАЛИНЫМ

Новый кризис в союзных отношениях был вызван решениями, принятыми на англо-американской конференции «Трайдент» в Вашингтоне 12–25 мая 1943 г. На ней Ф. Рузвельт и У. Черчилль договорились продолжить «средиземноморскую стратегию» и отложить открытие второго фронта до мая 1944 г., о чем они вскоре информировали И.В. Сталина в совместном послании, полученном 4 июня. Послание было настолько секретным, что У. Стэндли так и не показал его А. Керру, хотя тот и участвовал в его передаче. 11 июня Сталин ответил Рузвельту в сдержанных словах, скрывавших искреннее негодование.

«Ответ Сталина выдержан в том духе, которого я опасался, — комментировал из Москвы Керр. — Сдержанность его тона, на мой взгляд, не должна вводить нас в заблуждение о том, что он не испытывает настоящей тревоги и возмущения и что его вера в наши намерения не была серьезно подорвана. Он не преувеличивает того впечатления, которое это новое разочарование наверняка произведет на народ, которому предстоит еще одна голодная зима, и на Красную Армию, которая поймет, что ей придется и дальше нести на себе главное бремя сухопутной войны еще месяцев десять или около того». Керр советовал Черчиллю предложить Сталину новую встречу в верхах с тем, чтобы тот не чувствовал, что важнейшие решения коалиционной войны принимаются без участия СССР. Иначе, заключал он, эта новая отсрочка «окончательно утвердит Сталина и его народ в их глубоком убеждении (которое только-только начало ослабевать) в том, что мы и американцы не ведем с ними честную игру, а намеренно даем им истечь кровью до самой смерти»².

По согласованию с Рузвельтом премьер направил Сталину еще одно послание с дополнительным объяснением их совместных решений, добавив в конце предложение о встрече трех лидеров. Однако оправдательный тон послания дался Черчиллю с трудом. Свой подлинный настрой премьер откровенно изложил в телеграмме Керру от 16 июня 1943 г.:

«Как Вы увидите из моей последующей телеграммы, я посылаю Сталину мягкий ответ. В то же время нам нет нужды извиняться. Наша стратегия и наступление в Средиземноморье, по всей вероятности, оттягивают германское наступление в России, и значит, оказывают им огромную услугу. Вам следует проявлять твердость в отношении любых новых жалоб... В сложившейся обстановке ничто не заставит меня пойти на то, что, по мнению моих советников и моему собственному убеждению, будет не чем иным, как бесполезным истреблением британских войск на берегах Канала только ради того, чтобы рассеять советские подозрения. Я порядком устал от этих постоянных выговоров, продиктованных лишь одним хладнокровным эгоизмом и полным

¹ Окончание. Начало см. Новая и новейшая история, 2017, № 4.

² From Moscow to Foreign Office, 14 June 1943. — The National Archive, Richmond, Surrey (далее — TNA), Prime Minister Office (далее PREM), TNA, PREM 3/333/5.

презрением к нашим жизням и благополучию. В удобный момент Вы можете по-дружески намекнуть Сталину, что небезопасно обижать две западные державы, чья военная мощь растет с каждым месяцем и которые в будущем могут быть полезны России. Даже мое долготерпение имеет предел»³.

Получив это «мягкое» послание Черчилля для передачи Сталину, Керр поддержал его тональность и особенно новое приглашение советскому лидеру на встречу «большой тройки». Вместе с тем посол предупредил, что в ответ «предвидит разочарование», которое «может повредить прогрессу» в отношениях с Москвой, достигнутому в последнее время, когда «и в Кремле и в народе появились признаки настоящего доверия к нам»⁴. «Разочарование» было мягко сказано. Сталин ответил Черчиллю гневным посланием от 24 июня 1943 г., в котором с цитатами перечислялись все предыдущие обещания премьера на сей счет.

Черчилль потратил почти целый день на составление ответа Сталину. «Меня подмывало вообще не отвечать, но я решил показать для протокола, что немедленно опровергаю его (Сталина. — *В.П.*) оскорбительные обвинения в нарушении слова», — телеграфировал он Керру в сопроводилке к своему посланию⁵. Однако само послание было довольно сдержанным, хотя в нем и слышались отзвуки раздражения, переполнявшего упомянутую телеграмму Керру. С нетерпеливым волнением Черчилль ждал ответа из Москвы. «Меня очень интересуют Ваши сведения о восприятии моего терпеливого ответа на оскорбительное послание Сталина, — снова телеграфировал он Керру 29 июня.— ... Вы, конечно, будете бдительно следить за всем этим. Я лично думаю, что это, вероятно, конец переписки Черчилль—Сталин, из которой я так надеялся создать личные отношения между нашими странами. Нет никакого смысла превращать ее в инструмент обвинений»⁶.

Керр в ответ призывал премьера войти в положение Кремля, откуда «слабость» позиции союзников представляется гораздо более «серьезной, чем на взгляд из Лондона». «Я ни в коем случае не собираюсь принимать сторону Сталина, — осторожничал посол. — Напротив, я целиком за то, чтобы время от времени давать ему хорошую взбучку. Она идет ему на пользу, и никто не может это сделать лучше Вас. Но я должен сказать, что был опечален последними посланиями, поскольку здесь, в Москве, наша слабость очевидна. Сталин дважды во всеуслышание заявлял о нашем намерении высадиться в этом году в Западной Европе и дважды нам приходилось его разочаровывать. Наша слабость — не в неспособности открыть второй фронт, а в том, что мы уверили его в намерении это сделать. Сталин ухватился за эту слабость и выразился очень откровенно. Не думаю, что он хотел Вас оскорбить. Насколько я его знаю, на его взгляд, он изложил свои претензии весьма сдержанно... Понимаю, что Вы не из покорного десятка, но было бы ошибкой буквально воспринимать исходящее от такого грубого и невоспитанного человека, как Сталин». Чтобы охладить опасный пыл премьера, Керр использовал те же аргументы, что и в августе 1942 г. в Кунцево, смешивая тонкую лесть с логикой холодного расчета: «Грустно, конечно, что нам повеле приходится сотрудничать с этим человеком не только в разгроме Гитлера, но и в последующие годы, поскольку от этого зависят жизни миллионов людей, а во многом — и будущее всего мира. Поэтому я считаю, что мы должны сохранять его доверие даже с ущербом для себя... Бог знает, что он может натворить, если Вы выпустите его из своих рук... Я ни в коей мере не разделяю Вашего мнения о том, что это должно стать концом переписки Черчилль — Сталин. Со своей стороны я считаю ее очень ценной и гораздо более предпочтительной (будь она приятной или неприятной), чем

³ From Foreign Office to Moscow, 16 June 1943. — Ibidem.

⁴ From Moscow to Foreign Office, 22 June 1943. — Ibidem.

⁵ Prime Minister to the British Ambassador, Moscow, 26.6.43. — Ibidem.

⁶ Prime Minister to the British Ambassador, Moscow, 29.6.43. — Ibidem.

холодный официальный канал»⁷. В итоге Черчилль не выдержал сталинской паузы и первым возобновил переписку уже через неделю.

Даже в разгар этой перебранки лидеров Керр не терял оптимизма. «Мои отношения с Кремлем по сравнению с прошлым годом очень хороши, — писал он 31 июня К. Уорнеру. — Личные отношения с Молотовым стали почти безоблачными. Улучшение пошло с ноябрьской речи Сталина и развивалось в нужном направлении в основном потому, что русские, наконец, поверили, что мы ведем с ними честную игру. Если эта вера сохранится, то я всерьез надеюсь на дальнейший прогресс»⁸. «Отрадно слышать, что Молотов сохраняет расположение, несмотря на взорвавшуюся бомбу, — отвечал ему Уорнер (имея в виду сообщение о решениях «Трайдента»). — Главная беда, на мой взгляд, состоит в том, что в период их умиротворения мы надавали русским поспешных обещаний, которые теперь не можем выполнить. Возможно, оно того и стоило, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь»⁹.

Расположение Молотова к Керру вскоре получило новое подтверждение, о чем тот также рассказал в частном письме Уорнеру. На встрече с наркомом 15 июля 1943 г. посол стал было зачитывать длинный лист английских претензий по двусторонним вопросам, но Молотов неожиданно прервал его словами, что имеет сообщить Керру «нечто личное». Посол насторожился, но попытался отшутиться: если нарком имеет в виду побить его тростью, подаренной ему Керром по возвращении из Лондона, то она предназначалась для воспитания его переводчика Павлова. Молотов рассмеялся (что бывало с ним редко) и сказал, что речь идет о более серьезном оружии, чем трость. Он напомнил Керру о сцене с пулеметом-пистолетом во время приема Уилки в Кремле и в этот момент появился Павлов с полированным дубовым ящиком, в бархатном ложе которого оказался новенький блестящий ППШ с инициалами Керра на серебряной пластинке и двумя полными дисками патронов. «Взять его в руки было одно удовольствие, — писал Керр, — настолько он удобный и складный. Но больше всего меня удивило качество сборки и отделки. Если советские заводы способны производить подобные изделия, то, значит, у них все в порядке». Довольный произведенным эффектом, Молотов объяснил, что это юбилейный двухмиллионный экземпляр, который только что сошел с конвейера. «И что же все это значит? — задался вопросом Керр в конце письма. — Ясно, что все это было хорошо продумано и предназначено для того, чтобы угодить. И это им удалось, поскольку у меня так и не пропала любовь к хорошему оружию. Можно ли считать это поворотным пунктом в англо-советских отношениях или просто в моих личных отношениях с Молотовым? Буду благодарен за ваше толкование»¹⁰.

Толкования в Форин офис разделились, но большинство, как сообщил Керру Уорнер, сочло сюрприз Молотова личной заслугой посла, которого в Москве ценят. Уорнер поделился этим веселым письмом с Иденом и Черчиллем, который сделал на нем приписку — «так или иначе, это хорошо»¹¹. В советской записи этой беседы эпизод с ППШ отсутствует, но в записи следующей встречи обоих собеседников (26 июля) упоминается, что посол поблагодарил Молотова за «его любезный подарок, которым он любит каждый день»¹².

Вообще с сухим и черствым наркомом, которого многие иностранные дипломаты не случайно прозвали роботом, Керру удалось установить на удивление неформальные человеческие отношения. Их беседы редко обходились без шуток с обеих сторон,

⁷ From Moscow to Foreign Office, 1 July 1943. — Ibidem.

⁸ A. Kerr to Ch. Warner, 31 June 1943. — TNA, FO 800/302.

⁹ Ch. Warner to A. Kerr, 8 July 1943. — Ibidem.

¹⁰ A. Kerr to Ch. Warner, 18 July 1943; Ch. Warner to J. Martin, 9 August 1943. — TNA, PREM 3/396/13.

¹¹ A. Kerr to Ch. Warner, 28 September 1943. — TNA, FO 800/302.

¹² Прием английского посла Керра 26 июля 1943 года. — Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ), ф. 06, оп. 5, п. 3, д. 33, л. 62.

судя даже по строгим советским записям. Например, когда на той же встрече 26 июля 1943 г. Молотов сообщил послу об отзыве Майского в Москву, а Керр предложил на замену себя, нарком в тон ему ответил: «если посол делает это предложение серьезно, то Советское правительство его обсудит». Прощаясь, Керр заметил, что «сегодня солнце светит не так ярко, как обычно при его прежних беседах с Молотовым. Молотов спрашивает, видит ли Керр в этом какое-либо предзнаменование. Не суеверие ли это? В следующий раз он, Молотов, постарается, чтобы солнце светило ярко»¹³.

Практически одновременный отзыв двух популярных на Западе послов — Майского и Литвинова вызвал в Вашингтоне и Лондоне «дрожь» (как писал Керру Уорнер)¹⁴, поскольку в этом виделось еще одно выражение недовольства Кремля поведением союзников по второму фронту. На встрече с Молотовым 27 июля 1943 г. Керр выразил большое сожаление по поводу отзыва Майского, который, по его словам, «занимал в Лондоне уникальное положение, как никакой другой посол. Майского в Англии все любили, и все, как правые, так и левые элементы, ему доверяли. Поэтому перевод Майского в Москву будет серьезной потерей не только для Советского Союза, но и для англичан»¹⁵.

По возвращении в Москву Майский при встрече заинтересовал Керра философским объяснением трудностей, периодически возникающих в советско-английских отношениях. Суть дела, сказал он, в культурно-цивилизационных различиях между двумя странами — многовековой и самоуверенной англо-саксонской традицией с ее комплексом превосходства и молодой советско-российской, страдающей от комплекса неполноценности, но жаждущей признания в качестве равноправного члена семьи народов. Вы же, сказал Майский, обращаетесь с нами как с «бедными сельскими родственниками». Керр пытался было возражать, на что Майский прямо заявил, что «мы не обращаемся с русскими как с равными — как, например, с американцами. Я опять протестовал, — продолжал Керр в письме Уорнеру, — но в глубине души понимал, что он прав. Я чувствую, что мы по-прежнему держим их на расстоянии и не пускаем в свой клуб. Их все еще проверяют на входе, члены клуба смотрят на них с подозрением и всячески дают понять, что им здесь не место. В то же время с американцами мы лезем из кожи, чтобы они чувствовали себя с нами как дома: они даже заседают вместе с нами в правлении клуба и меняют его правила. Короче говоря, с Вашингтоном мы *советуемся*, а Москву просто *информируем* (курсив в оригинале. — В.П.). Таким образом, мы не добьемся ничего или почти ничего. Наши сельские кузены, которые все видят, но которых не пускают, в один прекрасный день махнут рукой на наш клуб и устроят свой собственный. И мы тщетно будем стучаться в дверь, чтобы нас пустили... нам придется перестать быть снобами и тем более — глупцами. Чем скорее мы осознаем, что они заработали свое место в правлении, тем лучше»¹⁶. За этими простыми образами наглядно просматривается суть отношения Керра к советским союзникам, в котором снисходительный британский комплекс превосходства сочетался с пониманием психологических комплексов партнера.

Подобные сентенции были редкостью во внутренних британских обсуждениях. Керр опять выказывал редкую способность к эмпатии по отношению к советскому союзнику, за которую его уже журили в Северном департаменте и в военном командовании. Не была она секретом и для Черчилля, который на прощальной встрече с Майским 2 июля 1943 г. сказал, что Керр «всегда и во всем занимал позицию России и в своих телеграммах всегда защищал русскую точку зрения». Впрочем, добавил премьер, «послы неизбежно начинают придерживаться точек зрения тех стран, в которых

¹³ Там же, л. 60, 67.

¹⁴ Ch. Warner to A. Kerr, 8 July 1943. — TNA, FO 800/302

¹⁵ АВП РФ, ф. 059, оп. 10, п. 22, д. 177, л. 137. (Опубликовано в: ДВП СССР, т. XXVI, кн. 1. Майкоп, 2016, с. 596–597).

¹⁶ A. Kerr to Ch. Warner, 10 August 1943. — TNA, FO 800/302.

они аккредитованы» и это «возможно, является даже желательным»¹⁷. Майский в своем отчете об этой беседе в Москву из осторожности опустил этот отзыв, но Уорнер «по-дружески» сообщил о нем Керру в частном письме¹⁸.

В июле 1943 г. британское посольство вместе с остальным дипкорпусом (который Керр прозвал «зоопарком») перебралось, наконец, в Москву и Керр стал «хозяином» старинного особняка на Софийской набережной. Большой любитель физических упражнений, он сам косил траву на большой посольской лужайке, обнаженный по пояс сживал за столом с бумагами в саду с гусиным пером в руке (других пишущих средств он не признавал, дорожа своим каллиграфическим почерком) и в таком виде нередко встречал там своих посетителей.

В это время в Лондоне ломали голову над тем, как подать Сталину известие о новом англо-американском совещании (кодовое название «Квадрант») Объединенного англо-американского штаба, намеченном на 24 августа 1943 г. в Квебеке. Приглашать Сталина не собирались, но и ставить его перед свершившимся фактом было опасно, тем более — на фоне его затянувшегося на полтора месяца молчания в переписке с Черчиллем и Рузвельтом. Иден поначалу предложил компромиссный вариант: сообщить Сталину о «Квадранте» перед самым началом конференции, чтобы исключить советское «самоприглашение», а затем предложить самому приехать в Москву с объяснением принятых на конференции решений. Черчилль не возражал. Тогда Иден запросил Керра, который ответил, что Сталин вряд ли согласится на такой компромисс: «Он сразу поймет, в чем дело, и наша попытка отделаться от него только усилит возмущение, которое он, видимо, испытывает». Посол объяснял это возмущение обидой на отстранение Кремля от принятия ключевых военно-политических решений и предлагал заблаговременно пригласить Сталина или Молотова в Квебек: «Я твердо убежден, что мы не должны повторять ошибок прошлого — принимать решения, имеющие для него важнейшее значение, без того, чтобы дать возможность ему или его представителю при этом присутствовать». В случае отказа советской стороны от этого приглашения и от скорой встречи в верхах Керр рекомендовал приезд Идена в Москву после «Квадранта»¹⁹. Иден присоединился к рекомендации посла, считая, что Кремль все равно ответит отказом²⁰, но Черчилль был категорически против даже такого показного жеста. «Не может быть и речи о приглашении русских на эту встречу, которая служит продолжением наших обсуждений в начале года, — сердито писал он Идену 1 августа. — Тогда будет лучше вообще ее отменить. Я гораздо охотнее соглашусь терпеть плохие манеры Сталина, чем лишиться возможности эффективного ведения войны путем консультаций о действиях наших армий между Великобританией и США»²¹.

Итогом этих прений стало послание британского правительства на имя Сталина от 7 августа 1943 г., переданное Керром Молотову на следующий день. В нем сообщалось о предстоящей встрече, содержалось обещание информировать советское правительство обо всех ее решениях, касающихся европейского театра, и повторялось предложение Черчилля о встрече трех лидеров в шотландском Скапа-Флоу или «в любом месте, которое удобно Маршалу и Президенту»²². Сталин ответил обоим союзникам вежливым отказом, ссылаясь на обстановку на фронте.

Тем временем обстановка на советско-германском фронте после решающих сражений на Курской дуге быстро улучшалась, что сказывалось и на союзных отношениях.

¹⁷ TNA, PREM 3/333/5.

¹⁸ Ch. Warner to A. Kerr, 10 July 1943. — TNA, FO 800/302.

¹⁹ From Moscow to Foreign Office, 30 July 1943. — TNA, PREM 3/172/1.

²⁰ Minute from the Foreign Secretary to the Prime Minister, 31.7.43. — Ibid.

²¹ Prime Minister for Foreign Secretary, 1.8.43. — Churchill Archive Center, Churchill College, Cambridge University, Chartwell Papers (далее — CHAR), 20/129.

²² См.: Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование (далее — Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка). М., 2015, т. 1, с. 393.

Когда 11 августа Керр и Стэндли явились в Кремль для вручения совместной просьбы ускорить выезд из СССР польских граждан, они застали Сталина в хорошем расположении духа. Вождь со знанием дела интересовался продвижением союзников в Сицилии, и в частности тем, «установлена ли сейчас связь между английскими войсками, наступающими на Мессину с юга, и канадскими и американскими войсками, наступающими с севера». Услышав от Керра, что это уже делается, Сталин предсказал, что, значит, «с Сицилией будет покончено». И действительно, 17 августа 1943 г. Мессина была взята, а с ней закончилась и вся операция «Эскимос». Говоря о попытках нового итальянского правительства маршала Бадольо лавировать между немцами и союзниками, Сталин заметил: «Итальянцам был дан перерыв для того, чтобы они могли подумать. Теперь их нужно крепче громить. Итальянцы хитрят. Они хотят обмануть и Гитлера и американцев с англичанами. Стэндли и Керр смеются, одобряя замечание т. Сталина»²³.

На той же встрече Керр сделал вождю шутовское замечание, заметив, что тот уже целый час не курит и даже не держит на столе подаренную им трубку. «Вы говорите “трубка”?», — повторил Сталин с улыбкой (к тому времени с помощью Керра он выучил это слово по-английски) и вышел в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся с целым набором трубок советского производства и предложил Керру выбрать из них любые в покрытие своего долга. Посол выбрал пару «устрашающих», по его словам, трубок из бивня мамонта (в советской записи этой беседы эти детали отсутствуют). В письме Уорнеру он также заметил, что над столом Сталина теперь висели портреты Суворова и Кутузова вместо изображений Маркса и Энгельса, задвинутых в дальний угол²⁴.

Обозначившаяся перспектива выхода Италии из войны ставила в повестку дня вопрос об условиях ее капитуляции и дальнейшей с ней обращения. Западные союзники нацелились на минимизацию роли СССР в итальянских делах, что, естественно, вызывало негативную реакцию в Москве. В посланиях Рузвельту и Черчиллю от 22 и 24 августа 1943 г. Сталин выговорил союзникам за самоуправство и предложил создать совместную комиссию по Италии с участием СССР. Керр после беседы с Молотовым 24 августа телеграфировал Идену: «На первый взгляд это предложение может показаться Вам нежелательным, поскольку присутствие на данной стадии в нашем органе советского представителя (с его подозрительностью и манерой отмалчиваться до получения команды из Москвы) будет досадной помехой. Но лично я убежден, что нам следует принять эту помеху и согласиться с этим предложением безо всяких околичностей потому, что, на мой взгляд, скорейшее и полное участие Советов в наших обсуждениях по Италии не только намного ослабит их недовольство, но и, что еще важнее, поможет заложить основу настоящего сотрудничества в европейском урегулировании. Допуск Советского правительства в создаваемые нами органы откроет дверь для нас и американцев, когда придет время определять будущее Финляндии и Восточной Европы»²⁵. В самом деле, грубое отстранение СССР от итальянских дел грозило создать крайне нежелательный прецедент для самих союзников. Рекомендация Керра была принята, хотя в последующем западные союзники сделали все возможное, чтобы ограничить полномочия созданной комиссии.

К концу августа союзники согласовали проведение конференции министров иностранных дел в Москве и приступили к ее подготовке. В Лондоне и в Вашингтоне не ждали от встречи больших результатов и планировали ограничить ее задачи чисто исследовательскими функциями. Главная цель предстоящей конференции, инструктировал Керра Уорнер, не достижение договоренностей по конкретным вопросам,

²³ Запись беседы тов. Сталина с английским послом Керром и американским послом Стэндли 11 августа 1943 года. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 71–72; ДВП СССР, т. XXVI, кн. 1, с. 642–645.

²⁴ A. Kerr to Ch. Warner, 14 August 1943. — TNA, FO 800/302.

²⁵ Text of the telegram received by Foreign Office from His Majesty's Ambassador at Moscow dated August 24. — Franklin D. Roosevelt Library (Hyde Park, New York), Map Room Files, Box 8.

а «испытание готовности и способности русских к сотрудничеству». По этому вопросу, продолжал он, в Форин офис еще нет ясности. Оптимисты считают, что «русские способны сотрудничать и могут научиться это делать, если будут уверены, что с ними поступают честно». Пессимисты исходят из того, что русские «ничуть не изменились, что они просто изо всех сил пытаются получить от нас максимум того, что им нужно, и ради этого наводят тень на плетень (распускают Коминтерн, признают церковь, на словах говорят о сотрудничестве)»²⁶. Керр относился к оптимистам, но и он не ждал от конференции многого, опасаясь, что она выявит серьезные разногласия между союзниками и не даст ощутимых результатов.

Эти опасения не оправдались. Обе стороны повели себя вопреки ожиданиям друг друга: западники под давлением американцев впервые весьма откровенно рассказали о своих военных планах и подтвердили сохранение в силе решения о начале операции «Оверлорд» весной 1944 г., а советская делегация проявила гибкость и готовность к компромиссам. Председательствующий Молотов вел заседания на редкость тактично и умело, а «...укреплявшаяся атмосфера доверия давала дополнительный импульс нашему продвижению вперед, так что середина конференции была лучше, чем начало, а конец — лучше, чем середина», — говорил Иден в своем отчете перед британским парламентом²⁷. Иден считает, докладывал в Лондон его первый заместитель А. Кадоган, «что мы недооценивали ощущение изоляции, которое до сих пор испытывали русские и которое лишь еще больше обострялось на фоне их огромных побед. Теперь очевидно, что они изо всех сил стремятся к успеху конференции»²⁸. Союзники признавали, что решающий вклад в успех конференции внесла советская сторона, проявившая неожиданную для них гибкость, профессионализм и расположение к партнерам. Керр видел главную причину этого нового настроения в том, что «Советы впервые почувствовали, что они свободно допущены как равные в наш интимный круг, из которого, на их взгляд, они до сих пор были исключены»²⁹. Оптимисты оказались правы — русские выдержали испытание на способность к сотрудничеству. Казалось, что они, наконец-то, вступили в «клуб» великих держав.

Керр принял самое активное участие в подготовке и проведении конференции, на которой он был главным советником Идена. На торжественном обеде в Кремле Сталин усадил его по свою левую руку, а по правую — госсекретаря США К. Хэлла. По возвращении из Москвы Иден в своем отчете перед парламентом воздал должное послу за подготовку конференции и «большой вклад в англо-советское взаимопонимание»³⁰. Члены британской делегации, писал ему Уорнер, «восхищены тем положением, которое Вы смогли завоевать у русских... Искренне поздравляю с тем, как Вы сумели раздобыть Сталина с Молотовым и тем самым подготовить успех конференции»³¹. В конце года Керр удостоился чести назначения в Тайный Совет при британском монархе. Большой дипломатический прием, устроенный Молотовым вскоре после окончания конференции, впервые прошел в обстановке союзного братания. Советские дипломаты явились в новой парадной форме, с которой мог тягаться лишь британский посол во фраке с медалями и красно-голубой орденской лентой через плечо. Однако тамада Молотов так усердно потчевал гостей, что после очередного тоста бравый шотландец не устоял на ногах и рухнул под стол, потащив за собой скатерть со всем убранством. На прощание, как сообщал потом посол Идену, Молотов «стукнул меня в грудь и сказал стоявшему рядом шведскому дипломату: “Вот Керр — молодец! Такие нам нравятся!”», а потом добавил: “У нас он стал бы партизаном!”»³².

²⁶ Ch. Warner to A. Kerr, 28 September 1943. — TNA, FO 800/302.

²⁷ Parliamentary Debates. House of Commons, 11 November 1943, p. 1324.

²⁸ From Foreign Office to Washington, 29 October 1943/ — TNA, FO 371/37030.

²⁹ From Dominions Office to Canada e.a., 8 November 1943. — TNA, FO 371/37031.

³⁰ Parliamentary Debates. House of Commons, 11 November 1943, p. 1325.

³¹ Ch. Warner to A. Kerr, 11 November 1943. — TNA, FO 800/302.

³² A. Kerr to A. Eden, 18 November 1943. — Ibidem.

Во время собравшейся вскоре Тегеранской конференции Керр был на вторых ролях в качестве советника британской делегации. Хотя Черчиллю в Тегеране пришлось уступить Сталину и Рузвельту в главном вопросе — открытии второго фронта в Европе, конференция в целом стала большим успехом в развитии союзного сотрудничества. В ежегодном отчете британского посольства говорилось, что «1943 год стал поворотным не только в войне на советско-германском фронте, но и в отношениях между СССР и его союзниками. В военной сфере наиболее заметными событиями в этом году, который начался с оглушительной победы под Сталинградом, стали переход инициативы от немцев к Красной Армии и потеря первыми двух третей советской территории, которую они занимали с июня 1941 года. В политической сфере Московская и Тегеранская конференции заложили основу для более тесного сотрудничества между Советским Союзом и его главными союзниками как до, так и после окончания войны»³³.

Однако приподнятый «дух Тегерана» сохранялся недолго. Начало нового 1944 года ознаменовалось очередными осложнениями в союзных отношениях. Продолжал обостряться польский вопрос: в январе Москва и лондонское правительство обменялись заявлениями, в которых «лондонцы» отказывались даже обсуждать новую восточную границу Польши, а советская сторона назвала их неспособными к налаживанию отношений с СССР и совместной борьбе за освобождение Польши от фашистских захватчиков. В те же дни «Правда» опубликовала «сообщение из Каира» о якобы имевшей место тайной встрече Риббентропа с руководящими британскими деятелями для обсуждения сепаратного мира с Германией. Не на шутку встревоженный этими событиями, Черчилль ускорил возвращение Керра из отпуска в Москву. Тот после Тегерана через Северную Африку отправился в Нью-Йорк, чтобы уговорить жену вернуться. Из этого ничего не вышло, и Керр возвратился на свой пост в состоянии нервного срыва.

Черчилль тем временем сам подключился к переговорам с правительством Ст. Миколайчика. Понимая, что освобождение Польши Красной Армией не за горами, он спешил добиться соглашения между Москвой и лондонским правительством по вопросу о границах. 28 января Черчилль отправил Сталину послание по польскому вопросу, в котором расписывал свои усилия по обработке поляков. Премьер-министр заверял своего «друга и товарища» в податливости «лондонцев» в вопросе о линии Керзона и призывал пока не поднимать вопрос о составе польского правительства. 2 февраля, когда Сталин принял Керра, он был уже знаком с этим посланием. Но прежде чем перейти к этой сложной теме, Керр начал беседу в обычном для себя фривольном тоне. Черчилль, сказал он, был очень доволен сообщением чехословацкого президента Э. Бенеша о своей беседе со Сталиным в декабре 1943 г. По словам Бенеша, Сталин «шлет Черчиллю поцелуй». «Черчилль просил его, Керра, передать ответный поцелуй Маршалу Сталину, — продолжается в советской записи этой беседы. — Он, Керр, хотел бы знать, желает ли Маршал Сталин, чтобы это было сделано устно, или он, Керр, действительно должен поцеловать Маршала Сталина». Маршал отшутился: «Тов. Сталин отвечает, что он хочет равенства. Черчиллю через Бенеша поцелуй был передан устно»³⁴. Керр был единственным собеседником Сталина, которому тот, обычно не терпящий фамильярности, позволял такую вольность.

Большая часть беседы была посвящена польской проблеме. Сталин настаивал на реорганизации польского правительства, поскольку «с нынешним польским правительством нельзя достичь соглашения». В этом Керр был заодно со Сталиным. По его словам, «об этом Посольство в Москве писало много раз в Лондон в прошлом году и Маршал Сталин, излагая свои соображения, как будто читал телеграммы Посольства в Москве по этому поводу»³⁵. Сталин и в самом деле читал некоторые телеграммы британского посольства, перехваченные советской разведкой, но в данном случае он

³³ TNA, FO 371/43394.

³⁴ Запись беседы тов. И.В. Сталина с английским послом Керром 2 февраля 1944 г. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 81.

³⁵ Там же, л. 86.

вряд ли нуждался в подсказках англичан. Вместе с тем он заверил собеседника, что в случае изменений в составе польского правительства и признания им линии Керзона СССР будет готов гарантировать независимость Польши, а само это правительство сможет вернуться домой.

Подробный отчет Керра о встрече со Сталиным понравился Черчиллю. «Я очень доволен Вашим отчетом, — телеграфировал он послу... — После получения ответа от Сталина я встречаюсь с Миколайчиком и сделаю все возможное, чтобы заставить его изменить свое правительство и прекратить разговоры о рижской линии»³⁶. Однако все попытки премьера склонить поляков к соглашению с Москвой, угрожая им, в том числе сепаратной сделкой со Сталиным, наткнулись на упорное сопротивление. «Поляки по-прежнему полны решимости продолжить свой самоубийственный акт», — отметил в дневнике помощник Идена О. Харви³⁷. Тогда Черчилль решил уступить «лондонцам» в вопросе о границе — предложить Москве провести временную демаркационную линию между линией Керзона и рижской линией, отложив окончательное решение вопроса до мирной конференции. Соответствующий проект послания Сталину был согласован с Миколайчиком и отправлен Керру. Тот предостерег Форин офис о наивности расчетов получить согласие Сталина на сотрудничество с лондонским правительством и на его возвращение в Варшаву. Однако Иден отказался изменять текст документа, подчеркнув в своей телеграмме Керру: «Премьер-министр и я считаем, что мы пошли так далеко, как только возможно»³⁸.

Первая реакция Сталина на это послание Черчилля, полученное в Москве 27 февраля, последовала уже во время его следующей встречи с Керром 28 февраля. Следуя инструкциям из Лондона, посол пытался заверить собеседников в том, что Миколайчик и Ромер готовы пойти навстречу советским требованиям, но пока не могут сказать об этом публично. Надо только набраться терпения и не отпугнуть поляков чрезмерными требованиями. Однако эти послы оставили Сталина равнодушным. Он сказал, что у него «мало надежды» на разрешение польского вопроса: «Нынешнее эмигрантское польское правительство не хочет соглашения с Россией. Оно хочет рассорить СССР с Англией». «Черчилль — на советской стороне, — добавил Сталин. — Однако польское правительство в существующем составе не хочет соглашения с Советским Союзом, и оно заявило Черчиллю, что остается на своем. Таким образом, нужно сменить либо Миколайчика, либо нас с Черчиллем». Особое возмущение Сталина вызвало поддержанное Черчиллем польское предложение о привлечении представителей Объединенных Наций к управлению освобождаемыми районами на Западной Украине и в Прибалтике. «Мы не можем, конечно, терпеть таких оскорблений, — взорвался он. — Разве мы не хозяева своей собственной земли? Зачем нас оскорблять! Разве мы заслужили это?»³⁹

Поздним вечером Керр послал свой первый отчет о состоявшейся встрече, заключив его словами: «Эта мрачная и изнурительная беседа продолжалась гораздо больше часа... Он (Сталин. — *В.П.*) норовил с издевкой отмахнуться от позиции польского правительства, описанной в послании Премьер-министра... все аргументы были бесцельны»⁴⁰. На следующий день посол поделился своими итоговыми соображениями о позиции Сталина: «В лучшем случае можно сказать, что пока он все-таки оставил дверь открытой»⁴¹. Сталин изложил свою позицию в сходных посланиях, отправленных Черчиллю и Рузвельту 3 марта 1944 г.

³⁶ From Foreign Office to Moscow, 5 February 1944. — TNA, FO 954/20.

³⁷ The War Diaries of Oliver Harvey. London, 1978, p. 331.

³⁸ From Moscow to Foreign Office, 22 February 1944; From Foreign Office to Moscow, 24 February 1944. — TNA, FO 954/20.

³⁹ Запись беседы тов. И.В. Сталина с английским послом Керром, 28.II.1944. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 101.

⁴⁰ From Moscow to Foreign Office, 28 February 1944. — TNA, FO 954/20.

⁴¹ From Moscow to Foreign Office, 29 February 1944. — Ibidem.

Британский премьер подготовил ответное послание Сталину, выдержанное в еще более категорическом тоне. В сопроводительной телеграмме Керру Черчилль подчеркивал важность достижения «хотя бы рабочего понимания» со Сталиным: «Сохранение нынешней ситуации сомнений и неопределенности в то время, когда Красная Армия приближается к линии Керзона, может создать большую угрозу». Черчилль также направил Керру подробные инструкции для устного представления послания советской стороне. В них перечислялись пагубные последствия, которые может иметь отрицательный ответ Москвы на британские предложения: негативная реакция в США и Великобритании, необходимость объяснения в британском парламенте, новый виток антисоветской пропаганды со стороны «лондонцев», опасная реакция польского подполья, ущерб военным операциям союзников от огласки серьезных расхождений по польскому вопросу и др. Черчилль также предупреждал, что не сможет признать никакого другого польского правительства, кроме лондонского. При всем при том послу вменялось «всячески избегать того, что может быть истолковано как изменение нашего подхода и тем более — как какие-то угрозы с нашей стороны»⁴².

Получив послание премьера, Керр попробовал убедить Черчилля смягчить хотя бы некоторые его формулировки. Иначе, предупреждал он, сталинский ответ сорвет главную цель послания — «сохранить дверь открытой для договоренности, которая может быть недостижимой сейчас, но станет возможной позднее». Главное опасение посла вызывал четвертый абзац текста, в котором говорилось, что «сила может достигнуть многого, но силой, поддержанной доброй волей всего мира, можно достигнуть еще большего...»: «слово “сила” может создать у него впечатление, что, на наш взгляд, он использует силу потому, что справедливость не на его стороне». Кроме того, Керр предлагал «ясно показать, что Вы не связываете себя неразрывно с нынешним польским правительством»⁴³. Посол приложил свой вариант этого фрагмента, который начинался со слов: «Я признаю правоту Вашей позиции». В следующей срочной телеграмме, посланной в тот же день, Керр предлагал изменения и в инструкциях для устного представления в Кремле. Посол точно угадал сдвиг, происшедший в настрое премьера: «Похоже, Вы считаете бесполезным продолжать усилия по убеждению польского правительства в необходимости трансформировать себя и прийти к конкретному соглашению со Сталиным»⁴⁴. В ответ пришел сердитый наказ от Черчилля: «Вы уполномочены сказать Маршалу Сталину, что я бы хотел заявить в Парламенте, что дверь пока остается открытой, но смогу ли я это сделать, будет зависеть от его ответа. В остальном я не могу принять предложенных Вами изменений в данных Вам инструкциях. Умиротворения и так уже было достаточно»⁴⁵.

Не дождавшись приема у Сталина, Керр 19 марта дословно изложил Молотову злополучные инструкции премьер-министра, которые он безуспешно пытался смягчить. Нарком бесстрастно выслушал посла и обещал исправно передать все сказанное «Хозяину». «Теперь остается только дожидаться реакции Сталина»⁴⁶, — подытожил Керр в своем отчете.

Эта реакция оказалась еще резче, чем опасался в своем прогнозе посол. Масла в огонь, видимо, подлил Молотов своим рассказом вождю о необычном монологе Керра⁴⁷, а новое послание Черчилля от 21 марта 1944 г. с предупреждением о его предстоявшем выступлении в Палате общин по польскому вопросу стало последней каплей. В своем послании премьеру от 23 марта «Верховный» писал: «Бросается в глаза, что

⁴² From Foreign Office to Moscow, 7 March 1944. — Ibidem.

⁴³ From Moscow to Foreign Office 8 March 1944. — Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ From Foreign Office to Moscow, 10 March 1944. — Ibidem.

⁴⁶ From Moscow to Foreign Office, 20 March 1944. — Ibidem.

⁴⁷ В информации Молотова для посла СССР в Лондоне Ф.Т. Гусева об этом заявлении Керра также ощущался ультимативный тон британского демарша (Лондон, Гусеву, 24.3.1944. — АВП РФ, ф. 059, оп. 12, п. 27, д. 148, л. 56–57).

как Ваши послания, так и особенно заявление Керра пересыпаны угрозами по отношению к Советскому Союзу. Я бы хотел обратить Ваше внимание на это обстоятельство, так как метод угроз не только неправилен во взаимоотношениях союзников, но и вреден, ибо он может привести к обратным результатам»⁴⁸.

Сталин не только ухватился за пункт о «политике силы», но и обвинил Черчилля в нарушении тегеранских договоренностей о линии Керзона. Как и Керр, он уловил изменение в позиции премьера под воздействием «лондонцев». Его также покорила ультимативная стилистика инструкций Черчилля в изложении Керра, которой хотели избежать премьер-министр и сам посол. Керр был настолько расстроен случившимся, что даже поднял перед лондонским начальством вопрос о своем отзыве из Москвы. В Форин офис с этим не согласились, но Керр больше не проявлял инициативы в польском вопросе.

Весной 1944 г. в союзных отношениях возник еще и румынский вопрос, связанный с переговорами о перемирии, условия которого были предложены советской стороной правительству И. Антонеску 12 апреля. Хотя в доверительных контактах Лондон признавал доминирование Москвы в румынских делах (в обмен на свое преобладание в Греции), англичане активно участвовали в обсуждении условий перемирия и не оставляли попыток сохранить в Румынии свою агентуру. Сведения о секретной миссии британских разведчиков в Бухаресте (так называемая миссия Шастелена) встревожили Москву и стали предметом переписки между Молотовым и Черчиллем, заменившим тогда ушедшего в отпуск Идена. Премьер-министр, возмущенный советскими требованиями разъяснить ситуацию, 2 мая послал Молотову гневное послание, в котором выражал деланное удивление тем, «что Вы могли подумать, хотя бы один момент, что мы поддерживаем какие-либо тайные связи с румынским правительством». «Конечно, — заключал свою отповедь Черчилль, — если Вы не верите ни одному сказанному нами слову, то действительно было бы лучше оставить все как есть. Но, принимая во внимание огромное мероприятие, которым мы вместе занимаемся, я надеюсь, что Вы тщательно продумаете Ваш ответ прежде, чем Вы его отправите». Премьер добавил, что все подробности пребывания британской миссии в Бухаресте будут разъяснены Керром⁴⁹.

Керр вручил этот документ Молотову лишь 5 мая 1944 г., но, не имея четких инструкций, не только ушел от подробных разъяснений, но и не смог скрыть своего недоумения происшедшим в Бухаресте. Черчилль сделал ему выговор через Идена за задержку передачи своего послания и комментариев к нему посла, которые «ослабляют силу того, что в нем было заключено»⁵⁰. Молотов тут же воспользовался этой несогласованностью партнеров для язвительного ответа Черчиллю, отправленного 10 мая: «Ваше послание от 2 мая получил и информировал о нем Правительство. Несмотря на все остроумие, послание неубедительно, так как не содержит никаких разъяснений по существу вопроса. Вы сообщили, что Британский Посол даст нам подробные разъяснения. Но и он в беседе со мной 5 мая не дал разъяснений по существу вопроса о миссии Шастелена в Румынии. В то же время г-н Керр сказал, что ему самому кажется странным то обстоятельство, что немцы позволили румынам держать у себя пленных английских офицеров, пользующихся радиостанцией и шифром для связи с внешним миром»⁵¹.

Реакцию Черчилля нетрудно представить, тем более что в последующей депеше Керр предложил вообще замять эту историю за неимением убедительных аргументов. Не зная, как осадить главного обидчика — Молотова, премьер-министр излил свое раздражение на Керра, который (как написал он Идену), «продал меня по дешевке»:

⁴⁸ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка..., т. 2, с. 100.

⁴⁹ Послание от г-на Черчилля г-ну Молотову, 2 мая 1944 г. — АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 1, д. 9, л. 53.

⁵⁰ Foreign Secretary, 7.5.44. — PREM 3/403/10.

⁵¹ От В.М. Молотова г-ну У. Черчиллю, 10 мая 1944 г. — АВП РФ, ф. 06, оп. 06, п. 1, д. 9, л. 56.

«Он смазал демонстрацию силы, а теперь, как ни в чем не бывало, говорит, что не видит смысла развивать этот вопрос далее. Вопрос повис на том, что Молотов усомнился в моем честном слове. Посол знает ложность этого обвинения, но заискивает перед Молотовым... Так нельзя вести дела с русскими... Это ужасная ошибка — оставить поле боя без получения удовлетворения»⁵². Черчилль даже подумывал об отзыве Керра в знак протеста против советской позиции по Балканам. «Должен сказать, — писал он Идену, — что их (русских. — *В.П.*) отношение с каждым днем становится все труднее»⁵³.

«Получив по шее от Премьер-министра» (как он скажет потом Уорнеру)⁵⁴, Керр приложил все усилия, чтобы добиться от Молотова хотя бы видимости извинения если не письменно, то, по крайней мере, на словах. «Поскольку он (Молотов. — *В.П.*) усомнился в честном слове Премьер-министра, — писал он в частном письме Идену, — то я просил его дать мне хотя бы одну—две фразы, которые бы позволили раз и навсегда устранить впечатление о том, что он сделал это преднамеренно». Но тщетно — железный нарком только назвал происшедшее «недопониманием», которое «не надо преувеличивать». «Боюсь, что это максимум того, что можно было из него выжать, — сетовал посол Идену. — У меня сложилось впечатление, что он понимает свою неправоту, но я не смог вынудить его признать это»⁵⁵.

Керр постарался загладить инцидент усердным вмешательством в советско-румынские переговоры о перемирии. Согласно итоговому отчету о них Молотова, британский посол проявлял особую «неуступчивость» и ухищрения в вопросе о возмещении Советскому Союзу убытков, против фиксации суммы которых (300 млн долл.) выступала британская сторона. Кроме того, отмечал Молотов, Керр «пытался протащить предложения о создании союзных миссий в Румынии, которые могли бы действовать независимо от СКК (Союзной Контрольной Комиссии. — *В.П.*) и параллельно ей. Эти предложения были отклонены»⁵⁶. Коллеги Керра из Северного департамента, зная, как тяжело ему доставалось в последнее время, утешали посла как могли. Вильсон, которому Керр посоветовал на то, что оказался между двух огней, писал ему в ответ: «Я вообще не представляю, как Вы умудряетесь столь великолепно делать свое дело, имея с одной стороны этих парней, а с другой — П.М. (премьер-министра. — *В.П.*) Это чертовски трудно, и я не знаю никого, кто мог бы с этим справиться хотя бы наполовину от Вашего»⁵⁷.

НА ЗАКАТЕ «ВЕЛИКОГО АЛЬЯНСА»

Открытие долгожданного второго фронта на время расчистило атмосферу союзных отношений. Конец войны был теперь не за горами и в Лондоне стали все чаще задумываться о послевоенной конфигурации сил. «Советский фактор» был главной переменной величиной этих калькуляций, в которых выявились две основные позиции. Эксперты межведомственного Отдела послевоенного планирования (где преобладали военные) уже начинали рассматривать СССР в качестве потенциального противника и изыскивать способы противодействия «советской угрозе». Главный из них усматривался в создании противовеса Советскому Союзу в виде «западноевропейского блока» с вероятным включением в него западной части Германии. Руководство Форин офис с тревогой отнеслось к этим планам, опасаясь, что они скорее приведут к возникновению той самой угрозы войны, которую военные стремятся избежать. Иден и его окружение еще надеялись совместить создание своей сферы влияния в Западной Европе

⁵² Foreign Secretary, 28.5.44. — CHAR20/164.

⁵³ Foreign Secretary, 4.5.44. — Ibidem.

⁵⁴ A. Kerr to Ch. Warner, 3 August 1944. — TNA, FO 800/302.

⁵⁵ A. Kerr to A. Eden, n.d. 1944. — Ibidem.

⁵⁶ Лондон, Вашингтон, Анкара — совпослам, Бухарест — Лаврищеву, 20.IX.44. — АВП РФ, ф. 059, оп. 12, п. 12, д. 68, л. 59—61.

⁵⁷ G. Wilson to A. Kerr, 15 May 1944. — TNA, FO 800/302.

с сохранением союзных отношений с СССР на основе англо-советского договора 1942 г., не считая возврат Советского Союза к враждебности с Западом неизбежным⁵⁸.

Керр не был напрямую вовлечен в эти внутренние дебаты, но по своим взглядам был ближе к оптимистам. 31 августа 1944 г. он послал в Лондон длинную депешу с объяснением мотивов и возможного развития внешней политики СССР. В ней он продолжал выдвигать свои любимые мысли о «двуликом» характере советской политики – сочетании давнего комплекса неполноценности перед Западом с новым чувством великодержавной гордости, навеянным огромными победами в войне. Посол предсказывал, что «тактика и, возможно, стратегия советской внешней политики будут в немалой степени зависеть от того, насколько Советское правительство будет удовлетворено отношением со стороны западных демократий. Как они полагают, их страна имеет право на уважение благодаря своим военным победам и новоприобретенному престижу и ответственности». Вместе с тем Керр остерегался делать однозначные выводы относительно будущей советской политики, хотя утверждал, что она вряд ли вернется к прежнему «экспорту революции». Закрытый характер советского общества и государственная монополия на пропаганду предоставляют Кремлю свободу рук в действиях на мировой арене; поэтому, если Москва не будет удовлетворена политикой Запада, она может быстро свернуть нынешнее сотрудничество с ним. Отмеченная специфика советской системы и политики, заключал посол, «может очень сильно осложнять ведение текущих дел с нашим союзником», но он видел и некоторые «смягчающие обстоятельства» последних лет – возросшие контакты с западными демократиями, новый опыт сотрудничества с ними, понимание необходимости считаться с интересами партнеров и находить компромиссные решения. В целом, предсказывал Керр, Сталин «почти наверняка попробует в порядке эксперимента продолжить политику сотрудничества в первое послевоенное время, но насколько можно судить, его правительство никоим образом не привержено целиком какой-то определенной политической линии»⁵⁹.

Депеша Керра получила высокую оценку в Северном департаменте Форин офис, где ее сочли «очень полезной» и даже «мастерской». Правда, Дж. Вильсон, отличавшийся от большинства своих коллег уважительным отношением к советскому союзнику, в своих комментариях к депеше отметил и ее уязвимое место. Керр снисходительно отзывался об утрированных нападках советской пропаганды на «гнезда фашистской оппозиции», якобы окопавшейся в западных демократиях, хотя на самом деле, как писал посол, речь может идти только об «отдельных неприметных личностях, не имеющих никакого веса в своих странах». Если сделать скидку на советскую терминологию, заметил на это Вильсон, то в этих обвинениях «к сожалению, есть доля правды. Люди, которые сознательно или нет, делают все, чтобы разрушить англо-советский союз, ни в коем случае не могут быть сведены к “отдельным неприметным личностям, не имеющим никакого веса в своих странах”. Недавние доклады Отдела послевоенного планирования о расчленении Германии, западноевропейском блоке и Ближнем Востоке показывают, что их авторы (точнее – те, кому они служат), не имеют ни капли веры в англо-советский союз... Подозрительность и даже враждебность военных ведомств к России стали предметом широко распространенных сплетен... не удивительно, что русские видят в этом признак возможной политики нашей страны в будущем, который они не могут игнорировать». Вильсон даже предлагал переслать свои соображения Керру, дабы предупредить его о том, что «гнезда фашистской оппозиции» – вещь более серьезная, чем ему кажется⁶⁰. Однако руководство департамента решило не выносить сор из избы.

⁵⁸ Подробнее об этих дебатах см.: Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников: документы и материалы. Под ред. академика А.В. Торкунова; авторы-составители В.О. Печатнов, М.М. Наринский, И.Э. Магадеев. М., 2015, с. 620–623.

⁵⁹ British Embassy, Moscow 31 August 1944. – TNA, FO 371/43336.

⁶⁰ G. Wilson, 23 September 1944. – TNA, FO 800/302.

Между тем сам Керр знал об антисоветском настрое военных не понаслышке. Новый глава британской военной миссии в Москве генерал-лейтенант М.Б. Бэрроуз не скрывал своего высокомерно-враждебного отношения к советским представителям, о чем те хорошо знали. Дело дошло до того, что Сталин на следующей встрече с Керром и Гарриманом (23 сентября) заявил, что Бэрроуз «не уважает наших военных», «смотрит на наших людей как на дикарей. Это обижает наших людей и делает невозможным сотрудничество с Бэрроузом»⁶¹. Керр пытался выгородить Бэрроуза, но безуспешно. Сообщая об этом в Форин офис, он с сожалением рекомендовал отозвать генерала, но обставить это так, чтобы его отъезд прошел «с достоинством и почетом»⁶². По возвращении в Лондон Бэрроуз продолжал свою антирусскую агитацию. «С нами он был осторожен, — писал Керру Дж. Вильсон, — но, как позднее выяснилось из его разговоров в других ведомствах, он действительно говорил о русских как о “дикарях”»⁶³.

В августе польский вопрос получил продолжение в связи с варшавским восстанием, организованным Армией Крайовой безо всякого согласования с советским командованием. Сталин, вначале пообещавший Миколайчику помочь восставшим, объявил затем это восстание «авантюрой» и отказал союзникам в возможности использовать советские аэродромы для помощи восставшим с воздуха. Напрасно Гарриман и Керр, следуя своим инструкциям, упрашивали Молотова пересмотреть эту позицию. Советская сторона сделала это лишь 9 сентября, когда силы восставших были уже на исходе. 23 сентября 1944 г. союзных послов принял Сталин, который впервые признал обоснованность действий поляков и рассказал о проблемах оказания им военной помощи. На той же встрече «Верховный» дал высокую оценку военных успехов союзников в Европе. «Сталин сказал, — телеграфировал Керр в Лондон, — что военные операции во Франции не имеют аналогов на востоке. Они были очень смелыми и полностью успешными. И это не комплимент, а констатация факта. Изоляция Бретани и взятие Парижа были превосходными операциями, рискованными и смелыми». «У меня нет оснований сомневаться в его искренности», — добавлял в депеше посол⁶⁴. Все это сгладило варшавский инцидент, тем более, что Черчилль снова собрался в Москву, чтобы обсудить со Сталиным вопрос о Балканах, польские дела и другие проблемы. Сталин с готовностью откликнулся на это предложение. «Я и русские очень рады, что Вы решили приехать и Энтони (Иден. — В.П.) тоже будет с Вами, — телеграфировал Керр Черчиллю. — Надо ковать железо, пока горячо»⁶⁵. Премьер тоже считал момент подходящим. «Дядюшка Джо более расположен пойти навстречу, чем когда-либо раньше, — писал он своему старому другу фельдмаршалу Я. Сметсу. — Мы должны ковать железо, пока горячо»⁶⁶.

Советско-английские переговоры под кодовым британским названием «Толстой» проходили с 9 по 19 октября 1944 г. Керр, как и положено в таких случаях послу, не вмешивался в переговоры, но присутствовал на всех основных заседаниях, в том числе — на первом, 9 октября, когда Черчилль на клочке бумаги предложил Сталину знаменитое впоследствии «процентное соглашение» о разделе сфер влияния в Восточной Европе и на Балканах. В архиве Керра сохранился первый вариант записи этой удивительной беседы, сделанный переводчиком Черчилля майором А. Бирсом. Тот добросовестно зафиксировал этот критический момент встречи: «Затем Премьер-министр вытащил “гадкий”, по его словам, документ со списком балканских стран и долей интереса в них каждой из великих держав. Он сказал, что американцы были бы

⁶¹ Запись беседы тов. И.В. Сталина с британским послом Керром и послом США Гарриманом 23 сентября 1944 г. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 377, л. 59—60.

⁶² From Moscow to Foreign Office, 25 September 1944. — CHAR20/172.

⁶³ G. Wilson to A.C. Kerr, 13 October 1944. — TNA, FO 800/302.

⁶⁴ To Foreign Office from Moscow, 24 September 1944. — TNA, FO 181/989/7.

⁶⁵ From Moscow for the Prime Minister, 2 October 1944. — CHAR20/173.

⁶⁶ To South Africa from Dominions Office, 9 October 1944. — Ibidem.

шокированы тем, насколько грубо он его сформулировал. Но маршал Сталин — реалист. Сам он тоже не сентиментален, а Иден — вообще испорченный человек». Керр — то ли по своей инициативе, то ли по настоянию премьера — своим каллиграфическим почерком заменил этот компрометирующий пассаж (зафиксированный и в советской записи беседы)⁶⁷ на более нейтральный вариант: «Затем Премьер-министр поднял вопрос об интересах двух правительств в различных балканских странах и необходимости работать в гармонии в каждой из них. После некоторой дискуссии было договорено, что в Венгрии и Югославии оба правительства имеют примерно одинаковый интерес, в Румынии преобладает интерес России, а в Греции — интерес Великобритании». Керр прошелся и по всей остальной записи Бирса, вымарывая своим гусиным пером все упоминания о «грязном документе», принадлежавшие как Черчиллю, так и Сталину⁶⁸. Секретарь британской делегации Я. Джекоб поддержал эту правку, сочтя злополучный пассаж «крайне неподходящим для столь важной затеи». Секретарь Кабинета министров Э. Бриджес согласился с этим изъятием и в таком кастрированном виде эта запись была представлена членам Кабинета, а затем отложилась в официальном архиве премьер-министра⁶⁹. Эта «нестыковка», по выражению О.А. Ржешевского, вскрылась только после опубликования мемуаров Черчилля, в которых он не удержался от описания данного эпизода⁷⁰.

Московские переговоры с поляками снова зашли в тупик, так что Керр опять порекомендовал Черчиллю прекратить поддержку «лондонцев». В остальном визит премьера прошел успешно и завершился беспрецедентным появлением Сталина на прощальном ужине в британском посольстве, который затянулся до раннего утра. За ужином Иден намекнул Керру на возможность его назначения послом в США — предел мечтаний любого британского дипломата. По следам переговоров Керр послал в Лондон длинную аналитическую депешу о сферах влияния в Европе. Он доказывал, что СССР не будет всецело возражать против сплочения Западной Европы под британской эгидой, если оно не будет направлено против Москвы, которая уже создает сферу своего влияния в Восточной Европе. Посол призывал ускорить консолидацию Западной Европы на «прогрессивной демократической» основе во избежание создания вакуума мощи, который может заполнить Советский Союз с помощью европейских компартий⁷¹.

Эти мысли находили отзвук в Форин офис. Там уже давно думали о том, как унять советские опасения насчет «западного блока». 25 ноября 1944 г. Черчилль писал об этом Сталину, а на следующий день Иден дополнил его послание инструкциями Керру к беседе с Молотовым. Послу предписывалось опровергнуть слухи о сколачивании «западного блока» под эгидой Великобритании в противовес Советскому Союзу как «фантазию, не имеющую ничего общего с реальной политикой правительства Его Величества»⁷². На встрече с Молотовым 28 ноября Керр добросовестно озвучил эти указания: «Британское правительство намерено в целях сдерживания Германии опираться на англо-советский союз. Возможно, что в дальнейшем подобные соглашения будут необходимы между Францией и Великобританией и Францией и Советским Союзом. Но, возможно, что будет желательным и необходимым создать систему региональной обороны в Западной Европе в целях организации общей системы обороны

⁶⁷ См.: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004, с. 421–426.

⁶⁸ Record of Meeting at the Kremlin, Moscow, 9 October 1944 at 10 PM. — TNA, FO 800/302.

⁶⁹ *Gilbert M.* Winston S. Churchill. V. VII. Road to Victory. Boston, 1986, p. 922. Официальную версию см. в: TNA, PREM 3/434/2, 3/434/4. Впервые опубликовано в: *Diplomatic History*, v. 3, № 4 (Fall 1979), p. 445–453.

⁷⁰ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль, с. 422; *Churchill W.* The Second World War. V. 6. Triumph and Tragedy. Boston, 1953, p. 226–228.

⁷¹ TNA, FO 371/40725.

⁷² From Foreign Office to Moscow, 26 November 1944. — TNA, FO 181/990/15.

против Германии». Однако если такой вопрос и встанет, подчеркнул Керр, то он будет подробно обсужден с Советским правительством. Молотов поблагодарил посла за информацию, но не упустил случая язвительно заметить, что «бритпра (британское правительство. — В.П.), очевидно, играет первую скрипку в этом деле»⁷³. Уверения Керра в отсутствии желания английского правительства играть первую скрипку в этом деле явно не достигли своей цели.

Вскоре после этого он уехал в очередной отпуск, откуда вернулся 28 января 1945 г. — за несколько дней до отъезда на Ялтинскую конференцию. Протоколы конференции не сохранили заметных следов участия в ней Керра, хотя он присутствовал на всех основных заседаниях и участвовал вместе с Молотовым и Гарриманом в рабочей группе по польскому коммюнике по польскому вопросу. Позднее это трио продолжит работу по польскому урегулированию в формате комиссии, которая должна была перевести расплывчатую ялтинскую договоренность в конкретное соглашение по составу нового польского правительства.

Ялтинская эйфория скоро сменилась новым похолоданием в союзных отношениях, вызванным жесткими советскими действиями в Румынии, «бернским инцидентом», сохранением тупика в польском вопросе и другими более мелкими раздражителями. Керр не поддавался ни первоначальной эйфории, ни последующему разочарованию. В длинной депеше от 27 марта 1945 г. он подвел первые итоги после ялтинского периода. Керр выделил главное: «События показали, что принятые в Крыму военные решения выполняются настолько успешно, что окончательное поражение Германии является вопросом нескольких месяцев». Признавая существующие проблемы и противоречия, посол, тем не менее, подчеркивал, что «было бы ошибкой считать, что Кремль отвернулся от политики сотрудничества с Западом». Сходные похолодания, напоминал он, происходили и раньше, а главное — советская политика «представляется политикой ограниченных целей, ни одна из которых не ущемляет жизненных британских интересов». «Советский Союз, — развивал свою любимую тему Керр, — настроен сейчас очень боевито и как никогда уверен в своей силе. Эта уверенность часто проявляется в грубой и задиристой форме. СССР ведет себя как промокший молодой ретривер в чужой гостиной, который отряхивается и размахивает хвостом, не обращая внимания ни на кого, кроме себя. Следует ожидать, что он будет продолжать проказничать до тех пор, пока не почувствует себя в безопасности от неприятных сюрпризов в соседних странах, и тогда можно надеяться, что, выйдя из своего щенячьего возраста, он займется серьезным уважаемым сотрудничеством со своими главными союзниками». Такое сотрудничество, заключал он, возможно на основе сохраняющейся общности интересов: «До тех пор, пока в русских умах будет жива память о германской агрессии и опасения ее возрождения (а это неизбежно продлится не один год), эти страхи вкупе с нуждой в помощи в трудном деле послевоенного восстановления должны обеспечить прочную основу англо-советского сотрудничества в основных вопросах европейской реконструкции». Призывая Лондон не вступать в бесплодные споры с Москвой по проблемам ее сферы влияния, Керр вместе с тем рекомендовал жестко отстаивать интересы британской «орбиты» и не стесняться в критике советского поведения⁷⁴. В Северном департаменте эта депеша была названа «очень интересным анализом советских мотивов». Дж. Вильсон особенно поддержал идею об ограниченном характере советских целей, хотя «методы достижения этих целей и оставляют желать много лучшего»⁷⁵.

Но подобные взвешенные взгляды уже начинали выходить из моды как в Лондоне, так и в Вашингтоне. Приближение окончания войны в Европе ослабляло общность «Великого альянса», прежде скрытые геополитические и культурно-цивилизационные

⁷³ Устное заявление посла Великобритании г-на Керра В.М. Молотову от 28.XI.1944. — АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 23, д. 242, л. 151–152.

⁷⁴ Sir A.C. Kerr to Mr. A. Eden, 27 March 1945. — TNA, FO 371/47941.

⁷⁵ Ibidem.

противоречия между англо-американцами и СССР выходили на поверхность. Особенно быстро сдвигался к конфронтации официальный Лондон во главе с Черчиллем, подыгрывать которому стал и ранее сдерживавший его Иден. Изнурительно-бесплодные переговоры союзных послов с Молотовым по польскому вопросу к началу апреля зашли в тупик, оказавшись «на грани срыва», как сообщал Керр в Лондон⁷⁶. В те же дни в беседах с Майским и А.М. Коллонтай он поделился тревогами британской стороны и попросил объяснений. Оба советских дипломата постыжились успокоить Керра, объясняя поведение Кремля все теми же психологическими комплексами. Коллонтай почти дословно повторяла доводы самого Керра из его недавней депеши: русские «сейчас сознают свои успехи и силу и хотят, чтобы и весь мир почувствовал их мощь и одобрительно похлопывал бы их по плечу. Русские — это дети, и с ними нужно обращаться как с детьми. Их нынешнее беспорядочное поведение пройдет». «В самом деле, русские очень спешат стать великими и это причиняет нам большие неудобства», — меланхолично подытожил Керр в своем отчете для Идена⁷⁷. Тому, видимо, уже порядком надоели призывы посла считаться с советскими психологическими комплексами. «Внушите Майскому, — отвечал он Керру, — что мы и так проявляем большое понимание и терпение, делая скидку на особенности русской ментальности... Но они не выказывают ни малейшего желания вникнуть в наши трудности и даже не пытаются пройти хотя бы четверть пути нам навстречу»⁷⁸.

Переговоры по составу польского правительства было решено продолжить в США на уровне министров иностранных дел с участием Молотова, который должен был возглавить советскую делегацию на открытии учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. 17 апреля 1945 г. Керр вместе с Гарриманом вылетел в Вашингтон, где к тому времени хозяином Белого дома стал Г. Трумэн. Но и там стороны ни о чем не договорились. Чтобы «наказать русских», Иден даже предложил отложить конференцию в Сан-Франциско, но Черчилль и Белый дом не пошли на столь крайнюю меру. Красная армия штурмовала Берлин, а в кулуарах конференции уже поползли слухи о грядущем конфликте и даже войне с СССР, подпитываемые жесткими выступлениями Идена и Гарримана на брифингах для дипломатов и журналистов «не для протокола». Гарриман, в частности, говорил о «непримиримых разногласиях» между СССР и англо-американцами. Присутствовавший на пресс-конференции знаменитый обозреватель У. Липпманн в сердцах сказал Керру, что «с таким настроением Гарримана следует убрать из Москвы»⁷⁹.

Керр не стал присоединяться к этой антисоветской кампании, но, вернувшись в Лондон, застал Черчилля в крайне воинственном духе. 18 мая 1945 г. премьер пригласил его на ланч с Ф.Т. Гусевым, во время которого устроил настоящую демонстрацию. Перечислив британские претензии к Москве, Черчилль, по словам Гусева, заключил: «Вы являетесь великой нацией и своей борьбой заслужили равное место среди великих держав, но мы — британцы — являемся достойной нацией, и мы не позволим, чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы»⁸⁰. Британскую запись этой беседы составил Керр, который не решился воспроизвести на бумаге наиболее «сильные выражения» премьера, посчитав его тон и так слишком резким. «Гусев слушал с напряженным выражением своего большого лица, — зафиксировал Керр. — Не знаю, насколько полно он усвоил сказанное премьер-министром. Думаю, что достаточно для того, чтобы сообщить своему Правительству, что Премьер-министр очень раздражен и обеспокоен происходящим и не собирается с этим мириться». Однако Иден написал на полях отчета: «Я бы оставил это без правки и не считаю, что такой

⁷⁶ From Moscow to Foreign Office, 3 April 1945. — TNA, PREM 3/356/5.

⁷⁷ From Moscow to Foreign Office, 6 April 1945. — TNA, FO 371/47881.

⁷⁸ From Foreign Office to Moscow, 8 April 1945. — Ibid.

⁷⁹ Печатнов В. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006, с. 325.

⁸⁰ АВП РФ, ф. 069, оп. 29, п. 94, д. 8, л. 126а — 132.

язык принесет какой-то вред, при условии, если будет правильно изложен. Надеюсь, что он принесет пользу, хотя это зависит от Гусева»⁸¹. Англичане напрасно сомневались в восприимчивости Гусева, который в своем изложении точно передал настрой британских союзников. «Во время своей речи, — докладывал он в Москву на следующий день, — Черчилль говорил о Триесте и Польше с большим раздражением и нескрываемой злобой. По его поведению видно было, что он с трудом сдерживает себя. В его речи много шантажа и угрозы, но это не только шантаж... нам необходимо иметь в виду, что мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени»⁸². Посол как в воду глядел, ибо именно в те майские дни Черчилль приказал военному командованию разработать строго секретный план войны с СССР, получивший кодовое название «Немыслимое»⁸³.

Пока Черчилль мыслил о немьслимом, Керр в конце мая вернулся в Москву. Почти одновременно с ним туда прилетел Г. Гопкинс для переговоров со Сталиным. Последняя миссия Гопкинса в Москву привела к распутыванию двух узлов в союзных отношениях — составу Временного польского правительства и процедуре голосования в Совете Безопасности ООН. Хотя Гарриман информировал своего британского коллегу о ходе переговоров, сам факт сепаратных советско-американских контактов настораживал британскую дипломатию, болезненно переживавшую снижение своего статуса в мировой политике. «Этот возобновившийся советско-американский флирт представляет собой нечто большее, чем попытку разрешить временные противоречия, — писал в Лондон Керр. — Американцы, как и русские, вероятно, надеются установить между собой прямые взаимоотношения». Посол предупреждал, что это чревато ослаблением роли Великобритании в союзных делах⁸⁴.

По итогам переговоров Сталина с Гопкинсом в Москву были приглашены кандидаты для вхождения во Временное правительство Польши для окончательного урегулирования вопроса о его составе. Черчилль с большим трудом уговорил Миколайчика отправиться в Москву, поручившись за его безопасность и уважительное обращение со стороны русских. В личной телеграмме он наказал Керру «сражаться как никогда» за то, чтобы пожелания Миколайчика были удовлетворены и «чтобы он потом не мог сказать, что мы, заставив его поехать, не поддержали во время переговоров»⁸⁵. Сражаться Керру не пришлось, поскольку поляки сумели договориться между собой и, хотя Миколайчик получил только пост вице-премьера и пять портфелей в правительстве из двадцати, посол постарался подать исход переговоров Черчиллю в позитивном свете. «Миколайчик... воспринимает ситуацию со спокойной уверенностью, — докладывал он Черчиллю 22 июня. — Он добился принципа равенства и подлинного представительства основных политических партий во всех органах власти... Завтра его и всех остальных поляков Сталин принимает на ужине в Кремле»⁸⁶. Премьер-министр вздохнул с облегчением — мучительная польская проблема была, наконец, закрыта. Он послал Миколайчику через Керра приветственную телеграмму, в которой говорилось: «Как же правы Вы были, приняв это критическое решение в моем кабинете 10 дней назад. Достигнутый результат, как представляется, дает наибольшую надежду на воссоздание польской национальной власти. Это может быть достигнуто только через

⁸¹ TNA, PREM 3/396/12.

⁸² АВП РФ. ф. 059а, оп. 7, п. 13, д. 6, л. 357–358. Опубликовано (с редактурой) в: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945, т. 2. М., 1983, с. 385–389.

⁸³ См. подробнее: *Ржешевский О.А.* Секретные военные планы У. Черчилля в мае 1945 г. — Новая и новейшая история, 1999, № 3.

⁸⁴ A. Kerr to A. Eden, 10 July 1945. — Documents on British Policy Overseas. Ser. 1, v. 1. The Conference at Potsdam, 1945, London 1984, p. 145–146.

⁸⁵ From Foreign Office to Moscow, 15th June, 1945. — TNA, PREM 3/356/13.

⁸⁶ From Moscow to Foreign Office, 22nd June, 1945. — Ibidem.

дружбу с Россией. Я уверен, что Советы оценят Вашу роль в сближении между ними и западными демократиями. Вы отлично справились со своей задачей»⁸⁷.

В июне в союзных отношениях возник новый кризис вокруг советских требований к Турции — о совместной обороне Проливов и территориальных претензиях по Карсу и Ардогану. Жесткий нажим Москвы на Турцию особенно встревожил Лондон, числивший эту страну в сфере своего влияния. Британская дипломатия начала спешно подключать Вашингтон к совместному отпору советским требованиям. Однако накануне Потсдамской конференции Керр был настроен еще сравнительно оптимистично. В депеше от 10 июля он писал о возможности достижения компромиссов с Москвой по главным вопросам, несмотря на советское «головокружение от успехов» и нежелание считаться с мнениями союзников⁸⁸.

В Потсдаме Керр, как и другие союзные послы, был вовлечен в работу экспертных групп по составлению итоговых документов конференции. Британская дипломатия в целом была удовлетворена ее результатами. «Думаю, что мы выступили не так плохо, — записал в дневнике А. Кадоган. — Правда, Джо (Сталин. — В.П.) получил большую часть того, что хотел, но главные карты были у него в руках, а нам все же удалось кое-что получить, в основном — по вопросу обращения с Германией»⁸⁹. В ходе конференции произошла смена британского руководства и консерватору Керру предстояло налаживать отношения с лейбористами — новым премьером К. Эттли и преемником Идена Э. Бевиным. Уже в Потсдаме демократичный посол быстро нашел общий язык с простолюдином Бевиным, который с недоверием относился к чопорным карьерным дипломатам — питомцам «Оксбриджа».

Август 1945-го был богат судьбоносными событиями. Восьмого числа — два дня спустя после Хиросимы — Мологов пригласил Керра и Гарримана, чтобы сообщить им о вступлении СССР в войну с Японией. 14 августа был подписан советско-китайский договор, закрепивший ялтинские договоренности по Маньчжурии. 2 сентября был подписан акт о капитуляции Японии. Накануне открытия первой сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне Керр подвел итоги этого периода в очередной аналитической депеше. Внутренний тыл советской политики, начинал посол, прочен как никогда. Хотя условия жизни людей остаются тяжелыми, они готовы взяться за трудное дело послевоенного восстановления, к которому их призывает власть. Победа над Японией и подписание договора с Китаем превращают СССР в мощную азиатскую державу. Одновременно Керр отмечал некоторое ослабление советского давления в Восточной Европе и в целом умеренную реакцию Москвы на появление у США атомной бомбы и победу лейбористов в Великобритании, ставящую под вопрос лидерство СССР над левыми демократическими силами. Посол объяснял эту сдержанность признанием возросшей силы западных союзников и в то же время — ощущением прочности своих позиций: «СССР добился безопасности в Европе, к которой так стремился, а решения Потсдама убедили его в добросовестности союзников в деле обращения с Германией. На Дальнем Востоке советские амбиции удовлетворены. Страна полна чувства гордости, а ее материальные приобретения весьма значительны. Поэтому она может позволить себе расслабиться и подсластить то кислое вино, которым потчует своих союзников».

Главными опасностями для англо-советских отношений Керр называл ситуацию в Турции и Иране, а также на Балканах. Кроме того, «можно ожидать новых попыток ловить рыбу в мутной воде Европы, особенно — во Франции, в надежде отвести нас от разумной и логичной политики укрепления наших уз с другими демократиями Европы. Но мы сейчас в гораздо более прочном положении, чем до 26 июля»⁹⁰, для

⁸⁷ Prime Minister to Sir Archibald Clark Kerr, 26.6.45. — Ibidem.

⁸⁸ From Moscow to Foreign Office, 10 July 1945. — TNA, FO 371/47883.

⁸⁹ The Diaries of Sir Alexander Cadogan. 1938—1945. London, 1971, p. 778.

⁹⁰ Имеется в виду победа лейбористов на парламентских выборах, о которой было объявлено 26 июля.

того, чтобы стать уверенным прогрессивным лидером в Западной Европе, а также на Ближнем Востоке и в оккупированной Германии. Если вся наша политика при всей ее силе и решительности будет выдержана в духе англо-советского договора и сотрудничества великих держав, которому Советское правительство по прежнему придает главное значение, то нас не собьют с курса новые порывы ветра и встречные течения, которые, несомненно, будут приходить из Москвы»⁹¹.

На сей раз оптимистический прогноз Керра не оправдался. Холодный ветер дул уже не только с востока, но и с запада. Это наглядно показала лондонская сессия Совета министров иностранных дел (СМИД). Обе стороны пришли к ней полные решимости жестко отстаивать свои позиции, ни в чем не уступая друг другу. Встретив упорное сопротивление союзников своим заявкам по Балканам, Японии и итальянским колониям, Сталин предпочел пойти на срыв сессии, нежели на уступки союзникам. Керр был одним из авторов плана по спасению совещания, который отвергнул Молотов. Это был первый полный провал союзной дипломатии, и разочарованный посол почувствовал большую усталость и «тягу к перемене мест». «Пока шла война, моей главной задачей было сглаживать острые углы, — писал он Бевину сразу после конференции. — Сейчас нам придется встречать их в лоб, и я думаю, что с этим лучше справится кто-то другой, чье прошлое не будет использовано против него»⁹². Реакции Лондона пока не последовало, и после отдыха в своем родовом имении в шотландских горах Керр вернулся в Москву. Там его ожидал новый дипломатический раунд — Московское совещание трех министров иностранных дел, созванное по инициативе госсекретаря США Дж. Бирнса в обход англичан, которые после лондонского фиаско придерживались тактики выжидания. Бевин согласился приехать в Москву только под угрозой Вашингтона провести эту встречу без него. Керр снова оказался в центре союзной дипломатии, хотя основной торг на конференции шел между русскими и американцами. Советской дипломатии удалось добиться согласия союзников признать правительства Румынии и Болгарии в обмен на включение в их состав минимального количества представителей оппозиции. Американцы также согласились на создание Дальневосточной комиссии и Союзного Совета в Японии, что давало Советскому Союзу хотя бы минимальное влияние на оккупационную политику в этой стране. В итоге ценой небольших взаимных уступок обе стороны закрепили собственное преобладание в своих сферах влияния. Англичане чувствовали себя обойденными и остались недовольны пассивностью американцев в отстаивании интересов британской империи, о «края которой», по выражению Бевина, «начинал тереться» СССР⁹³. Керр сопровождал нового министра во время его двух встреч со Сталиным 19 и 24 декабря.

Во исполнение решений Московского совещания Керр вместе с Гарриманом и Вышинским отправился в Бухарест для консультаций по формированию нового состава румынского правительства. Политическая ситуация там полностью контролировалась Москвой через правительство П. Грозы, поэтому позиции западных послов были крайне слабыми. К тому же Вышинский переиграл их дипломатически, взяв в свои руки переговоры с правительством Грозы и предоставив им уговаривать оппозиционных министров войти в его состав. Вышинский брал партнеров измором, доведя однажды Керра до потери самообладания. «Не кричите на меня — я Вам не Троцкий!» — рявкнул он, ударив кулаком по столу. «Ладно, Ваша взяла», — рассмеялся в ответ Вышинский. Чтобы не затягивать эту бессмысленную тяжбу, союзные послы сквозь зубы рекомендовали своему начальству признать новое правительство Грозы⁹⁴. Печальная развязка румынской драмы усилила пессимизм Керра. «Как Вы знаете, в Москве

⁹¹ From Moscow to Foreign Office, 6 September 1945. — TNA, FO 181/995/1.

⁹² *Bullock A.* Ernest Bevin, Foreign Secretary, 1945–1951. London, 1985, p. 72–73.

⁹³ Memorandum of Conversation between Bevin, Byrnes and Cadogan, December 17, 1945. — Library of Congress, W.A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 18.

⁹⁴ Подробнее см.: Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов. М., 1998, с. 189–192.

я всегда склонялся к тому, чтобы доверять русским, — писал он доверенному корреспонденту. — Но моя поездка на Балканы позволила мне заглянуть под юбку советской политики на окраине ее сферы влияния. Это было неприглядное зрелище и должен признаться, что оно стало для меня некоторым шоком»⁹⁵.

После краткой остановки в Москве Керр снова отправился в Лондон, где Бевин объявил ему о предстоящем назначении его послом Его Величества в США. Пост номер один требовал соответствующего статуса, и по рекомендации Бевина Керр получил почетный титул барона — лорда Инверчэпл по названию родового имения. Исполнилась мечта всей его жизни.

В конце января 1946 г. Керр прибыл в Москву с прощальным визитом. 24 января его принял Молотов. Посол начал с того, что «сегодня печальный день для него, так как он в последний раз видит кабинет Молотова, в котором он провел столь много приятных и неприятных часов». «Приятные и неприятные переживания бывают в жизни каждого человека», — философски отозвался нарком, согласно советской записи беседы. Он выразил надежду, «что Керр будет помнить о своей работе в Москве, хотя он, Керр, и упоминает о неприятных моментах, пережитых им. Молотов шуточно замечает, что в Вашингтоне у Керра, вероятно, будут только приятные моменты». Посол в ответ заверил, что покидает Москву «с чувством подлинного сожаления». Он, Керр, всегда будет помнить о совместной работе с генералиссимусом Сталиным, Молотовым и Вышинским. В конце концов, единственно неприятным периодом было время, когда пришлось иметь дело с этими «проклятыми поляками». Молотов со своей стороны сказал, «что и он будет помнить, что Керр и он в совместной работе всегда стремились найти выход из трудных положений, который удовлетворял бы оба государства. Это была нелегкая задача, тем не менее, нельзя отрицать, что были успехи». Керр без особых прикрас рассказал ему о своей поездке в Румынию и на прощание попросил сделать ему подарок — отпустить четырех советских жен британских сотрудников в Москве и одного массажиста — для себя лично»⁹⁶.

На следующий день состоялась последняя встреча Керра со Сталиным. Она длилась почти час, в течение которого собеседники поговорили о многом: о своей первой встрече в кремлевском бомбоубежище, о шуточном сталинском обещании сделать Керра кавказским князем, о проблемах взаимного восприятия русских и англичан, обменялись мнениями о Бевине, которого Сталин осудил за недружественные высказывания в Палате общин.

Чтобы задобрить диктатора, Керр сообщил «по секрету», что Бевин уехал из Москвы, «будучи убежденным в том, что он произвел благоприятное впечатление на Генералиссимуса Сталина и Молотова». «Бевин ошибся», — холодно ответил Сталин. Он добавил, что «главные представители» нового британского правительства «обращаются с Советским Союзом не как с союзником. Но что же с этим поделаешь!» «Дело будет выправлено», заверил Керр, обещая использовать для этого и свое новое влияние лорда. Он также пытался убедить Сталина в искренности добрых намерений своего правительства, несмотря на то, что англичане, возможно, «были иногда неуклюжи в своих действиях». «Англичане не должны были бы быть неуклюжими, так как это люди старой культуры», — возразил генералиссимус. Это верно, заметил посол, но «люди нового британского правительства не являются, однако, людьми старой культуры. Тов. Сталин и Керр смеются». Но зато у них «хорошая душа», поправился Керр. Хозяин Кремля благодушно отнесся к просьбе дипломата насчет «советских жен» и массажиста, пообещав это «устроить», хотя обычно он отказывал иностранным послам в подобных просьбах. Он любезно поинтересовался, что посол хотел бы получить в подарок на память. Керр попросил его фотографию, подписанную непременно красным карандашом, с которым «он привык его всегда видеть». А как насчет

⁹⁵ Gillies D. Op. cit, p. 179.

⁹⁶ Прием посла Великобритании А.К. Керра 24 января 1946 г. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 113–119.

вина в дорогу? — окончательно раздобрился Сталин. Керр ответил, что «он как серьезный человек предпочитает коньяк». Прощальные слова Сталина были тоже необычными для его обращения с иностранцами — он выразил надежду, что «Керр и он может быть еще когда-нибудь встретятся»⁹⁷. Коньяком и фотографией дело не ограничилось. Сюрпризом для посла стала присланная к его отъезду великолепная шкура снежного барса и большая партия икры.

За все это Керр сердечно поблагодарил Сталина в личном письме, отправленном из Индонезии, где он остановился по пути домой. Еще больше он был благодарен «за дружеское отношение и внимание, которое Вы мне сообразовали оказывать в течение моего четырехлетнего пребывания в Москве. Это навсегда останется у меня в памяти, как нечто весьма прочное и драгоценное»⁹⁸.

* * *

Керр пробудет на посту британского посла в Вашингтоне около двух лет — до мая 1948 г. Хотя он находился в центре «особых отношений» между США и Великобританией и внес свой вклад в укрепление англо-американского тандема, подлинной кульминацией его дипломатической карьеры останется миссия военных лет в Москве. В официальном Вашингтоне, пронизанном атмосферой «холодной войны», он так и не прижился со своими экстравагантными привычками и старомодными взглядами союзных времен. «Это были два последних, может быть — слишком долгих года в моей профессии, — сказал он в одном из прощальных выступлений в Нью-Йорке, — Они были изуродованы шрамами многих несчастных событий. Надежды на новый мир гармонии, братства и миролюбия, которые наполнили наши сердца, оказались разбиты»⁹⁹. А главное — в Америке не было ощущения причастности к великим делам и людей масштаба Сталина и Черчилля, с которыми он привык иметь дело в те судьбоносные годы. Временами он даже тосковал по Москве и по-прежнему находился под магнетическим обаянием личности советского диктатора. Уже выйдя в отставку и поселившись в Инверчэпл, он написал ему последнее письмо, в котором просил отпустить из СССР в Шотландию невесту своего массажиста. Письмо заканчивалось словами: «...Выражая Вам наилучшие пожелания доброго здоровья и благополучия, я хочу сказать, что моя самая сокровенная надежда и желание заключаются в том, чтобы между Вашей страной и моей было установлено прочное взаимопонимание и гармония»¹⁰⁰.

Исполнил ли Сталин последнюю просьбу своего шотландского гостя, неизвестно. Керр умер в июле 1951 г. в возрасте 69 лет. На фотографии, подаренной ему Сталиным, красным карандашом была сделана надпись «Другу Советского Союза лорду Керру»¹⁰¹. Думается, что в данном случае это была не просто вежливость.

⁹⁷ Запись беседы тов. И.В. Сталина с послом Великобритании Керром 25 января 1946 г. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 121—130.

⁹⁸ Подчероб — Поскрёбышеву, март 1946 г. (подлинник и перевод письма А.К. Керра тов. И.В. Сталину). — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 133—138.

⁹⁹ *Gillies D. Op. cit.*, p. 213.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 139—142.

¹⁰¹ Посещение британского посла А.К. Керра 26 января 1946 г. — РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 284, л. 132.